

Татьяна Рогожникова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

К ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ: *СТРАХОВАНИЕ*

Key words: term formation, historical semantics, metonymical transfer

Наблюдения над употреблением тех или иных слов в древних и современных текстах в некоторых случаях приводит к обнаружению значительных сдвигов в лексической, словообразовательной и грамматической семантике определенных языковых единиц. Такова ситуация с современным широко бытующим термином *страхование*. Ведь в сознании современного носителя языка внутренняя форма термина ('страх') не маркирована. Этот случай представляется особенным в части исторической семантики, любопытных ее преобразований, но поднимает также проблему формирования термина с точки зрения лексической, словообразовательной, грамматической семантики, роли славянизмов в нормализации литературного языка.

В современном русском языке слово *страхование* имеет следующие значения: 1) 'вид обеспечения от возможных последствий стихийных бедствий и несчастных случаев, заключающихся в возмещении убытков, которое берет на себя специальная организация по отношению к лицам или учреждениям, регулярно уплачивающим ей денежные взносы'; 2) действие по глаголу *страховать*. *Страховать* – 'заключать договор о страховании кого – чего-л.; 3) 'предохранять от чего-то нежелательного' [МАС: 283].

Материал словарной статьи делает очевидным тот факт, что в структуре значения слова доминирующими являются социальные признаки, поскольку общество обеспечивает избавление субъекта от страха перед чем-либо за счет средств самого субъекта. Слово в этой модели актуализирует сему 'действие по устранению боязни, страха перед возможными неблагоприятными обстоятельствами', значение более сложное по структуре, нежели 'страх перед чем или кем-либо'. В этом последнем значении слово употребляется в древнерусских текстах, переводных и оригинальных, и фиксируется в исторических толковых словарях.

Страхование 1) ‘боязливость’ (гр. *δειλία*): „Еже бо въ дръзнованиихъ есть мужество яко же и въ ослаблениихъ страхование” (Гр. Наз., XI в.); 2) ‘страхъ, ужась’: „Бысть же в церкви страхование веліе на христіаны” (Новг., III л.). Примеры на это значение встречаются в древнерусских текстах и аналогичны слову *страхъ* – ‘страхъ, боязнь’, причем это эмоции, возникшие как результат воздействия внешней причины. Этим обстоятельством объясняется соответствие модели *страхование* в переводных текстах греческому *δειλία*, тогда как непроизводное *страхъ* соответствует гр. *φόβος* ‘страх, боязнь’.

Глагол *страховатися* ‘бояться’ передает внутреннее чувство человека, действие по этому значению передается в глаголе *страховати*: „Чесо ради страхуешися, покаяися, брате, не страхуй себе” (Ефр. Сир., XIV в. [Срезневский 1989: 544–546]). Глагол *страховати* не зафиксирован в древнерусских словарях – в значении ‘вызывать страх, пугать’ употреблялся глагол *страшити*. Отглагольное *страшение* имело направленное действие ‘устрашение’. Таким образом, словообразовательные модели *страхование* – *страшение* различались по признаку наличия – отсутствия действия.

Сложность семантической истории этого слова заключается в отсутствии лексикографического отражения переходного этапа формирования терминологического значения именно этой словообразовательной модели (*страхование*, а не *страшение*) – отражения как нетерминологического, так и терминологического значения. Ход семантического развития можно реконструировать как метонимическую цепочку: страх как эмоция, вызванная какими-то обстоятельствами, на которые человек не может влиять – замкнутость на субъекте (глагол только с местоимением *ся*) – действие человека по устранению страха (волеизъявление) (*страховаться, подстраховаться* – предусмотреть возможность) – имплицитное значение ‘влияние извне’ переносится в сферу материального (постепенно развивающихся экономических отношений) – и, наконец, страх риска (*Отдать что-либо на свой страх, на чью ответственность и ручательство; на свой страх и риск*).

Зайствованное из французского *risk* позволяет отнести последнее устойчивое выражение к XVIII веку. В нем два признака социального страха – эмоция и риск – разведены и эксплицированы. Видимо, и терминологическое, социально обусловленное значение закрепилось в России в XVIII в., хотя зачатки страхования как способа возмещения ущерба за счет специально созданного материального фонда отражены еще в *Стоглаве*, сборнике решений церковного собора с участием царя Ивана IV.

В Соборном Уложении 1649 г. говорилось о системе регулярных твердых платежей населения для образования фонда выкупа пленных. Но именно в XVIII в. в 1786 г. при Государственном заемном банке была учреждена „Страховая экспедиция” для страхования каменных городских построек. Под *страхом* в это время понимается вся сумма, просчитанная и заложенная на выплаты страховых премий с учетом данных математики и теории вероятности. В России заемному банку разрешались операции лишь с теми домами, которые отдавались в этот же

банк на *страх*. Страховая экспедиция принимала на *страх* строения в обеих столицах и в городах.

К XIX веку сложилась довольно стройная система терминов: *страхователь* – *страховщик*, *страховой* (ср. *страшный*, *страшиться*, *страшить*, *устрашать*, *устрашение*), *участие в страхе* (периодические взносы), *страховое поле*, *страховые учреждения*, *страховая премия*, *страховое вознаграждение*, *страховой договор*, *страховой полис*, *страховые риски*. О концептуальной ценности и понятийной завершенности страхования свидетельствует пространная, развернутая, детализированная статья в *Энциклопедии* Брокгауза и Эфрона. В ней дается теория страхования с определениями страхования, страхового случая, видов страхования (*обязательное* и *добровольное*, *частно-коммерческое* и *общепольное*, *государственное*, *губернское*, *войсковое*, *земское*, *уЪздное*, *городское*, *частно-предпринимательское*), принципов и условий выплаты денежных сумм. Учение Страхования определяется как

одинъ изъ важныхъ, но мало разработанныхъ отдЪловъ политической экономіи. Какъ предметъ научнаго изученія, С. весьма интересно съ методологической точки зренія, такъ какъ сюда входятъ и наиболЪе существенные вопросы экономической науки, и наиболЪе спорныя стороны теоріи вероятности [Брокг.-Эфр. 1991: 737].

Рассматриваются также *самострахование* от возможных убытков от стихийных бедствий, сбережения на старость и пр., *перестрахование* (передача страхового риска „въ новыя руки”), когда расширяется страховое поле и уменьшается риск.

Энциклопедическая статья включает историю страхования, историю страхового дела в России. Первое большое страховое общество было основано въ Лондоне в 1710 г., со второй половины XVIII века начинается страхование недвижимости. Развитие всех форм страхования принадлежит XIX веку. В России в 1786 году была учреждена *страховая экспедиція*, принимавшая на *страх* строения в городах. Экспедиция просуществовала 36 лет. Дальнейшая история с. сначала связана с инициативой правительственных учреждений. С 60-х гг. XIX века частные компании образовали русский страховой синдикат, который положил начало страховому делу на новых основаниях.

Как видим, первоначально в тексте в терминологическом значении употреблена непроизводная модель (*принять на страх*), в XIX веке терминологизируется отглагольное существительное, *страховать* – *страховаться* разведены по грамматической семантике. В итоге *страховать* – *страхование* выступает в литературном языке параллельно церковнославянской паре *страховатися* – *страхование*.

В формировании термина возникает вторая проблема – словообразовательный механизм терминологизации. Церковнославянская модель с суффиксом *-ниѣ-* встречается в древнерусских переводных текстах, как правило, в значении отвлеченного действия. Именно это значение в случае со словом *страхование*

явилось семантической основой использования термина в значении социальном, но получившем противоположное значение – устранения этого переживания человека (действие осуществляется им самим). Развитие общественных отношений привело к усложнению семантики слова: из психологического плана значение переходит в социальное, страх выступает как нежелание полагаться на нечто ирреальное, стремление своими человеческими усилиями, действиями освободиться от этих эмоций. Субъект доверяет эту роль реальной силе в лице определенной организации.

Следовательно, в системе языка на определенном этапе его развития создаются готовые наличные языковые модели для формирования терминологии. Наиболее показательным в этом отношении являются приглагольные существительные со значением отвлеченного действия. Именно такая модель оказалась продуктивной, в частности, для формирования лингвистической терминологии. В XVIII веке подобное переосмысление церковнославянских моделей уже осознано и порождает новые термины, поскольку создан резервуар для их пополнения (так называемые новые церковнославянизмы) [Колесов 2003: 114].

Признак отвлеченного действия явился семантической основой использования термина в значении социальном, но получившем противоположное значение – устранения эмоционального переживания человека. Механизм порождения понятия связан с метонимическим по своей сути обогащением исходного представления признаками за счет изменяющихся социальных отношений, объединения людей на общей материальной основе для распределения риска одного человека между многими, затем включением в судьбу человека государства с его органами, которые впоследствии сменили частные организации.

Особый интерес, прежде всего в аспекте сравнительной когнитивистики, представляет ставшее возможным на определенном этапе развития языковой системы и общественных отношений соответствие славянской модели *страхование* западным терминам, в частности англ. *assurance*. В английском языке социальный термин сформировался как отглагольное существительное от глагола *assure* ‘уверять, заверять, убеждать’, ‘гарантировать, обеспечивать’, ‘страховать’ [Мюллер 2005: 71–72]. В плане сопоставления происхождения русского и английского терминов значимым представляется их диаметрально расхождение во внутренней форме: в русском языке в основе отглагольного имени *страхование* лежит семантический признак ‘страх, боязнь’, в английском – ‘безошибочный’, ‘надежный, безопасный’, ‘несомненный’, ‘уверенный, убежденный’ [Мюллер 2005: 1253]. Показательна семантическая оппозиция ‘страх – уверенность’, значимая в плане сопоставления двух культур на ментальном уровне и в общем подтверждающая выводы исследователей русской ментальности о преобладании в ней этического, эмоционального начала над социальным, логическим [Булыгина, Шмелев 1997: 481–487].

Дальнейший путь терминологизации лексической и словообразовательной семантики можно определить как логичный и последовательный в английском

языке и сложный и весьма противоречивый в русском. В английском термин *assurance* образовался от глагола *assure*, в основе которого лежит *sure*: исторически формирование терминологической семантики можно представить как цепочку ‘уверенный, надежный, безопасный’ – ‘уверять, убеждать, обеспечивать’ – ‘уверенность, убежденность, заверение, гарантия’. В русском языке не выявляется подобной стройности. При отсутствии достаточной лексикографической базы данных по языку светской и деловой сферы XVII–XVIII веков рискнем предположить обратный порядок порождения термина: вначале в значении ‘страховать’ закрепляется глагол *страховати* (видимо, на рубеже XVII–XVIII веков), дающий модель *страхование*. Внешне этот процесс выглядит как калькирование с английского, поскольку развившееся в XIX веке страховое дело требовало не только теоретического перенесения на русскую основу, но и соответствующей терминологической системы.

Что касается языкового механизма перехода от страха к гарантии, его сложность проистекает из неоднозначности языковой ситуации, в особенности противоречивой в XVII–XVIII веках. В современном церковнославянском модель *страхование* как ‘страх, боязливость’ (XI–XVII вв.) дополняется семантическими признаками ‘страшилище’, ‘предмет, вызывающий боязнь, опасение’ [Црксл. 1998: 672]. В новейших исследованиях православного социолекта отмечается явление дискурсивной омонимии лексемы *страхование* наряду с такими лексемами, как *обыденный* цсл. ‘церковь, построенная за один день’, *знаменосец* ‘схимник, который носит на себе знак посвящения в схиму’, *отпетый* ‘умерший, над которым отслужили чин отпевания’ и др. [Бугаева 2008: 183–184]. Следовательно, в социолекте сохраняется архаическое значение лексемы *страхование*, не имеющее прямого отношения к социальной сфере жизни человека, тем более – финансовой. Терминологическое же значение слова сформировалось сложным метонимическим путем на основе семантики греческой лексемы, включающей признак ‘причина, источник страха’. В этом значении лексема сохранилась, в церковнославянском языке. В узусе же дело обстоит сложнее: словарные материалы не позволяют зафиксировать появление социальных признаков в значении термина, но отмечают их в модели *страхъ (отдать на страхъ)*. Далее под влиянием английской страховой терминологии появляется глагол *страховать* в терминологическом значении, а существовавшая в церковнославянском модель *страхование* в качестве нецерковнославянизма становится термином-гиперонимом.

Библиография

- Бугаева И.В. (2008). *Язык православных верующих в конце XIX – начале XXI века*. Москва, Издательство РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. (1997). *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва, Школа „Языки русской культуры”.
- Колесов В.В. (2003). *История русского языкознания: очерки и этюды*. Санкт-Петербург, Издательство СПбГУ.

- Мюллер В.К. (2005). *Большой англо-русский словарь: 200 000 слов и словосочетаний*. Екатеринбург, У-Фактория.
- (МАС) (1988). *Словарь русского языка*. В 4 т. Изд. 3-е. Т. 4. Москва, Русский язык.
- Срезневский И.И. (1989). *Словарь древнерусского языка*. В 3 т. Т. 3. Москва, Книга.
- (Црксл.) (1998). *Полный церковнославянский словарь*. В 2 т. Т. 2. Сост. прот. Г. Дьяченко. Москва, ТЕРРА – Книжный клуб.
- (Брокг.-Эфр.) (1991). *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона*. В 86 т. Т. 62. Санкт-Петербург, ПОЛРАДИС Иван Федоров, 1986–1994.

Summary

Of the History of Social Terms: *страхование*

The article is devoted to the problem of genesis of one of actual terms, that is *страхование* [strakhovanie]. The author examines a complex history of its semantics, from passing of a human emotion to a terminological meaning. Word-formative and grammatical mechanisms of terminological specialization are shown, and some indistinct issues of that process are dealt with in the article.